

к труду и старшему поколению. Отсутствие собственной культурной ориентации, слепое следование зарубежным штампам недопустимо, поскольку неизбежно ведет к потере нацией своего собственного лица либо трансформации здоровых тенденций в их прямые и откровенные противоположности.

В заключение следует особо отметить роль обоих лидеров – В. В. Путина и А. Г. Лукашенко – в создании Союзного государства России и Беларуси. Интеграция двух стран в общесоюзное государство – непростой, длительный, тернистый путь, путь ошибок и промахов, взаимных обид и претензий, однако его не избежать, если мы хотим сохраниться как сложный этнос в стремительно меняющемся и непредсказуемом, полном внешних вызовов мире.

Л. И. Шаповалова

Могилёв, МГУ им. А. А. Кулешова

«СЛОВАРЬ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКИХ ПОГРАНИЧНЫХ ГОВОРОВ»
КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ
БЕЛОРУССКОГО И РУССКОГО НАРОДОВ

Изучение говоров могилевско-смоленского пограничья (МСП) с целью их лексикографического описания в Могилевском государственном университете имени А. А. Кулешова ведется 1980 г., когда в учебный план была включена диалектологическая практика в рамках дисциплины «Русская диалектология». Тогда кафедра русского языка определила объект полевого диалектологического обследования в зоне МСП – переходные белорусско-русские (русско-белорусские) говоры, которые, будучи признанными многими известными лингвистами (Е. Ф. Карским, П. А. Расторгуевым, П. С. Кузнецовым, А. Б. Пеньковским и др.), в последней четверти XX в. еще не подвергались всестороннему изучению.

В силу объективных причин территория могилевско-смоленского пограничного региона была очерчена условно: сюда включены сельские населенные пункты, расположенные в двадцатикилометровой зоне приграничных территорий Горецкого, Мстиславского, Кричевского, Климовичского, Хотимского районов Могилевской обл. и Краснинского, Монастырщинского, Хиславичского, Шумячского, Ершичского районов Смоленской области. Концепция определения территориальных границ МСП в 1986 г. обсуждалась на семинаре ареальной лингвистики для слушателей ФПК в МГУ имени М. В. Ломоносова и была одобрена крупнейшими российскими учеными-славистами и диалектологами Н. И. Толстым, Г. А. Хабургаевым, О. Г. Гецевой, а также профессором Смоленского пединститута Е. Н. Борисовой.

Вначале изучение говоров МСП не выходило за рамки учебной диалектологической практики и проводилось стихийно: лексические, фонетические и грамматические особенности говоров выявлялись методом

наблюдения. Однако уже первый собранный материал показал необходимость перевода диалектологической практики на научную основу. Доцент кафедры русского языка В. Б. Сузанович разработала специальную программу собирания диалектной лексики переходных говоров в соответствии с рекомендациями «Пособия-инструкции для подготовки и составления региональных словарей русского языка» – академического издания 1960 г. Кроме того, она определила требования к организации и проведению практики и, будучи ее руководителем, добивалась их неукоснительного выполнения. Благодаря хорошо организованным диалектологическим экспедициям 1985–2012 гг. была создана картотека, которая содержит материал, собранный более чем в 200 населенных пунктах могилевской и смоленской приграничных зон с 80-х гг. XX века по настоящее время. Сейчас она включает более 100 тысяч карточек-цитат, иллюстрирующих реальное функционирование диалектной лексики и фразеологии на территории МСП.

Идея подготовки регионального словаря на базе данной картотеки возникла в середине восьмидесятых годов. В 1986 г. в перспективный план научной работы кафедры была включена подготовка «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ) и создана группа разработчиков во главе с В. Б. Сузанович.

В 1992 г. началась непосредственная работа над составлением СМСПГ, который первоначально планировался как двухтомное издание. Электронный вариант первого тома Словаря (буквы А–Н) был подготовлен в 1998 г., а еще через два года – электронный вариант II тома (буквы О–Я). Уже тогда Словарь получил высокую оценку авторитетных ученых Беларуси (проф. В. А. Маслова, В. И. Коваль) и России (проф. И. Г. Добродомов, И. А. Королева).

Представление о масштабах проделанной работы, связанной с изучением говоров МСП и составлением СМСПГ, дает монография «Этнолингвистическое и лексикографическое описание говоров могилевско-смоленского пограничья», в которой собраны наиболее важные публикации разработчиков проекта за 1988–2016 годы [8].

Знаменательным и долгожданным для могилевских лексикографов событием стало издание I и II выпусков «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» [5; 6].

СМСПГ – региональный словарь *сводно-дифференциального типа*: по охвату лексики он относится к *сводным словарям*, т. к. в нем описывается диалектная лексика двух языковых систем – русской и белорусской; по принципу отбора лексики является *дифференциальным*, т. к. в него включаются лишь те слова и фразеологизмы, которые отличают говоры МСП от русского и белорусского литературных языков. Как первый опыт регионального словаря переходных белорусско-русских говоров, он по-своему уникален: с одной стороны, Словарь вобрал лучшие традиции русской и белорусской

диалектной лексикографии, с другой – имеет специфику, обусловленную тем, что в говорах МСП на всех уровнях языка органически сочетаются русские и белорусские элементы.

Изучение словарных материалов показало, что говоры МСП представляют собой самобытный пласт языка, в котором отражена духовная и материальная культура белорусского и русского народов, издавна проживающих на этих сопредельных территориях. В специальных исследованиях составителей Словаря дано этнолингвистическое описание свадебного обряда на территории МСП, продуктов питания и традиционных для крестьянской кухни блюд из муки и картофеля, лексики льноводства и первичной обработки льна, льнопрядения и домашнего ткачества, диалектных названий одежды, домашней утвари из различных материалов и пр. [8, с. 30–198].

Информантами диалектологических опросов были люди старшего и среднего поколения – активные носители традиционных говоров МСП. Поэтому представленная в картотеке лексика отражает все стороны жизни носителей этих говоров, и прежде всего различные сферы хозяйственной деятельности и быта. В связи с этим значительное место в Словаре занимает этнографическая лексика, в частности слова, называющие атрибуты материальной культуры либо отражающие особенности быта жителей МСП.

В СМСПГ этнографизмы маркируются пометой *этногр.*, а в конце словарной статьи после демаркационного знака «=» помещается *этнографический комментарий*, извлеченный из авторитетных научных источников [2; 3; 4].

Актуальные этнографизмы обозначают реалии, сохранившиеся в домашнем обиходе и хозяйственной деятельности жителей МСП. В СМСПГ они имеют объемные словарные статьи с примерами-иллюстрациями, записанными и на могилевской, и на смоленской части пограничья. Например:

ГОРЛАЧ, -а, м. *Этногр.* Глиняный сосуд для молока с суживающейся верхней частью и широким горлом; кринка. *Раньшы была многа пасуды глиннай: и глячки, и гырлачи, и гаршики, и жбаны, и мисы разныя.* Петровка, Ерш. Смл. *Гырлач* с мылаком у сенцах стаить, вазьми да налей сабе. Русское, Шум. Мгл. *Раней у нас гаршэўники дельли гырлачи и гаршики з глины.* Селец, Мст. Мгл. *Бывала, мати печку пратопить и гарлачы туды паставить, каб малако таплёная было.* Липовка, Хот. Мгл. = В быту белорусских крестьян в XIX в. распространены были высокие глиняные сосуды с суживающейся верхней частью: збан, *гарлач*, гладыш. Молчан. Матер. культ. С. 214. = По левобережью Днепра и его притока Березины и далее до северной границы Белоруссии господствовал термин «*горлач*». *Горлач* имеет более длинное и узкое горло, чем жбан, а гладыш никогда не имел ручки. Там же. С. 214.

Устаревшие этнографизмы, называющие утраченные реалии крестьянского обихода, получают в СМСПГ дополнительную помету *устар.*, например:

КаВЕРЗНИ и **КАВЕРЗНИ**, мн. *Этногр. Устар.* Лапти из лыка с закрытыми мысами. *Пляли лапти с лыка, их называли кавярзни.* Н. Дедин, Клим. Мгл. *Кавярзни* закрытыя были, у йих анучка меньшы пылилася. Любавичи, Мон. Смл. = Плетеная обувь, называемая «*каверзнями*», «похлопнями», встречалась преимущественно в восточных районах Белоруссии. *Белорусский каверзень по своему виду походил на лапоть московский с высоким задником и толстыми бортами, очевидно, термин пришел к белорусам от русских староверов.* Молчан. Матер. культ. С. 177.

Этнокультурный потенциал Словаря можно представить на примерах этнографизмов, связанных с основной и подсобной хозяйственной деятельностью жителей МСП.

Одним из основных направлений хозяйственной деятельности жителей МСП было изготовление домашней утвари. Специалисты считают, что практически вся домашняя утварь до начала XX в. сохраняла консервативные черты: применялись традиционные способы ее изготовления, в крестьянском доме долгое время оставался неизменным набор предметов домашнего обихода и их хозяйственное назначение.

Названия домашней утвари в диалектах наиболее устойчивы, сохранялись в них столетиями. Поэтому они открывают древнейший пласт языка, обслуживающий жизненно важную сферу деятельности человека.

Большие лесные массивы на территории МСП давали материал для изготовления *деревянной утвари*, которая является наиболее древней и распространенной по сравнению с другими предметами домашнего обихода. «В конце XIX – нач. XX в. большинство посуды, хозяйственной утвари, использовавшейся в повседневном обиходе крестьянина, изготавливалось из дерева», – свидетельствуют авторы монографии «Полесье. Материальная культура» [1, с. 207].

Древнейшими по способу производства были *долбленые деревянные изделия*, которые изготавливались из бревна или других цельных древесных заготовок. В говорах МСП зафиксировано общее наименование для всех предметов домашнего обихода, изготовленных из цельного куска дерева – *долбанка*: *Слиўки, смятану сливали ў даўбанку и били калатушкой, дельли масла* (Забельшин, Хот. Мгл.); *Мне даўно ужо мужык даўбанку з бриўна зделаў, кап карову можна было паить* (Звенчатка, Клим. Мгл.); *У лясу на дярёўя привязывыють даўбанку, кап там новы пчалины рой пысялиўся* (Кр. Буда, Крич. Мгл.).

В настоящее время на территории МСП долбленая утварь не отличается многообразием видов; наиболее распространены *ковши* и *корыта*.

В говорах МСП *ковши* (округлые сосуды с ручкой для зачерпывания жидкости или сыпучих продуктов, которые выдалбливаются из деревянных чурбаков) – имеют наименования *корёц, ковшёрка, корётка, корчик*: *Я рас паспориў с мужыкама, што цэлы карец самагонки вытыю. И вытыў* (Татарск, Мон. Смл.); *Прыняси ў каўшэрки вады напшца* (Горы, Гор. Мгл.); *Каретку рабили з дерива и тили з ёй ваду* (Полошково, Клим. Мгл.); *У корчык можна наливаць ваду, малако, ён з дерива* (Нестерово, Мст. Мгл.)

Корыто (продолговатая емкость, выдолбленная с плоской стороны половинки целого бревна) имеет обычно широкое хозяйственное применение. В говорах МСП сохранилось общее наименование, указывающее на способ его изготовления – **толчѣнка**: **Талчанка** – карыта такая, яго з асины выдоўбляюць (Полошково, Клим. Мгл.). Широко распространено здесь и характерное для всех восточнославянских народов слово **ночѣвки** – наименование долбленого корыта разных размеров, в котором просеивали зерно и крупы, толкли и растирали продукты, стирали белье (см. Л. А. Молчанова «Материальная культура белорусов», с. 216): *У начѣўках стіралі бяллѣ і мылі рибят* (Любавичи, Мон. Смл.); *У начоўкі ссыталі зярнятки* (Селец, Мст. Мгл.)

Корыто, имеющее узкое хозяйственное назначение, в говорах МСП называются **опѣлушки** ‘небольшое деревянное корыто для просеивания зерна’ и **комага, кормач** ‘выдолбленное из дерева корыто, из которого поят, кормят домашних животных’: *Раньшы зярно прасеивылі ў апалушках* (Любавичи, Мон. Смл.); *Вяді авец х калоцу паіць, там выда ў кымягі наліта* (Литвиновка, Ерш. Смл.); *Скату есці гатовілі ў дырвяным кармачу* (Викторово, Красн. Смл.).

Подсобная хозяйственная деятельность и кустарные промыслы развивались в разных местностях МСП в зависимости от природных условий и специализации сельского хозяйства.

Широко распространенным видом подсобной хозяйственной деятельности жителей МСП было *пасечное пчеловодство*, о чем свидетельствуют диалектизмы **медовуха** ‘пчела’, **восва** ‘рабочая пчела’, **безматочник** ‘пчелиный рой, не имеющий, лишившийся матки’, **гнилец** ‘болезнь пчел’, **медовина, медовка** ‘посуда для меда’, **мѣдница** ‘липовая бочка для меда’, **медорез** ‘нож для подрезки сот’, **вуляк** ‘улей’, **медовня** ‘навес над погребом, куда на зиму переносят ульи’ и пр.: *У нас пчол завуць мідавухамі, бо яны мѣт дельюць* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.); *Я кали малады быў, дык многа мідавух дяржаў* (Ржавец, Ерш. Смл.); *Пысля замырыскаў яшчэ ні адна восва ня вылізла з вулля* (Липовка, Хот. Мгл.); *Ні была я лодырь. На мяне казалі – восва* (Соино, Хисл. Смл.); *Штой-та дельць: у мяне два бізматашніка, дык пчолы лѣтаюць, гудяць, к вуллю ні падпускаюць* (Звенчатка, Клим. Мгл.); *Аслабшый бізматашнік можа пагібнуць: біз матки пчѣлы разлітаюцца і прыстаюць з другому рою.* (Литвиновка, Ерш. Смл.); *Вясной у пчол часта атвальваюцца крылля; эта і ёсь гнилец* (Викторово, Красн. Смл.); *Апяць на маіх пчол гнилец напаў, усе яйца пагнілі* (Кулешовка, Мст. Мгл.); *Любят унуки мае тишком за мѣдам у мідавіну лазіць* (Викторово, Красн. Смл.); *Во мѣду як сабярэш, у мядоўку паложыш і храни сабе* (Милейково, Мст. Мгл.); *Бочка липавая называюцца мѣдніцай – мѣт туды кладём* (Мигновичи, Мон. Смл.); *У нас на хутары пчолы свае былі, другэй рас назбіраюш мѣдніцу мѣду ды і прадасі де ў горады* (Забельшин, Хот. Мгл.); *Кажную зиму мы заносім вулякі ў мядоўню, каб ні памёрзлі пчолы* (Милейково, Мст. Мгл.); *Зимой у нас вулякі с пчоламі ў мядоўні* (Петровка, Ерш. Смл.).

Вместе с тем, в материалах Словаря зафиксированы слова *дулянка* и *долбанка* ‘долбленная колода для пчел’, допускающие предположение, что в лесной местности МСП до недавнего времени занимались *бортничеством* – лесным пчеловодством, добычей меда диких пчел с помощью *борти*, т. е. улья простейшего устройства – дупла или выдолбленной колоды: *У майво батьки были дулянки, дык мы ўсигда с мёдам были* (Забельшин, Хот. Мгл.); *У лясу на дярэўя привязвють даўбанку, кап там новы пчаліны рой пысяліўся* (Кр. Буда, Крич. Мгл.).

В деревнях по течению рек Сож, Остёр, Вихра крестьяне издавна занимались *рыболовством*, позволявшим разнообразить крестьянский стол, особенно весной и летом, когда перед новым урожаем истощались запасы продовольствия: *Раней у Сажы было многа рыбы. У кожным двары были свае байды, на их рыбу лавили з вясны да глыбокай восяни* (Лобковичи, Крич. Мгл.); *Раньшы у Астре столька ракаў вадилась, што хоть пруд пруди. Бывала, мы з батькам раставим еўню на начь, а утрам полныя сеті ракаў. Дык батька вазил их прыдавать. И ў Смаленск вазил, и ў Рослаў, и к вам у Биларусію* (Понятовка, Шум. Смл.). Здесь до сих пор сохранились диалектные наименования рыбачьих лодок (*байд*, *байдик*), приспособлений для рыбной ловли и снастей (*вязок*, *евня*, *жак*, *нерет*, *бородник*, *бреденик*), крючков и грузил (*вязло*, *галушки*) и пр.

В настоящее время некоторые термины рыболовства можно считать устаревшими этнографизмами, так как обозначаемые ими реалии утратили актуальность в этой сфере хозяйствования. Так, словом *ез* называли прочное долговременное приспособление для крепления сетей в виде установленной поперек реки перегородки, состоящей из вбитых в дно шестов, переплетенных прутьями: *Ез ладили так: забивали коля ўпопирак речьки, а тады лапникам засцлалі и ставили нярет* (Верховая, Ерш. Смл.); *Во рыбаки у нас рэчку перагаражвали езам, а люди чэраз еты ес пераходили з аднаго берага на други* (Молятичи, Крич. Мгл.). Это приспособление перестало применяться, когда рыбные запасы в реках истощились: *Ез рабили вясной, кали рыбы многа, ён для крепасті лазой аплітаицца* (Забельшин, Хот. Мгл.); *Щас язы ни ставяць, таму што рыбы ў речки нету* (Подлужье, Мст. Мгл.).

В говорах МСП бытует фразеологизм *байдики бить* ‘бездельничать’: *Байдики бить – то ж ничаво ни дельць* (Любавичи, Мон. Смл.); *Зимой на вичирах, кали сильная стюжа была, мы байдики били ды песни стивали* (Звенчатка, Клим. Мгл.). Его происхождение связывают с особым видом отхожего промысла в «речных» местностях МСП – сплавом на лодках (*байдиках*) по Сожу и Днепру. Работа людей, нанятых на период навигации, казалась легким делом тем, кто на это время оставался один вести крестьянское хозяйство. В этой этимологической версии просматривается мотивация образования фразеологизма: «выполнять легкую работу, не требующую физических усилий → бездельничать» [8, с. 197].

В деревнях МСП, где на крестьянских подворьях разводили овец, источником побочного заработка стал *кустарный шерстобитный* (валеный,

шаповальскій) промысел. По одной из исторических версий, к этому промыслу местных крестьян еще в нач. XIX в. приобщили переселенцы из некоторых российских губерний, в том числе и из Смоленской. Он был распространен в 4 деревнях Шамовской волости Мстиславского уезда и в 11 деревнях Дрибинской волости Чаусского уезда (ныне Мстиславский и Горецкий р-ны Могилёвской обл.) [7, с. 51]. Мастера-шерстобиты «валяли» войлок, изготовляли из него подкладки под хомуты, шапки, валенки. Их диалектные названия сохранились в говорах МСП.

ВАЛЕНКА, -и, ж. *Этногр.* Валяная из войлока мужская шапка. *Раншы люди ў лыптях хаділі, на зиму валякі кыталі, а на галаву шапкі с войлака – валенкі.* Каребы, Гор. Мгл. **Валенка** – шапка из валяной шэрсти. Паны такія тожса насілі. Кузьмичи, Ерш. Смл.; Соино, Хисл. Смл. = В XIX – нач. XX в. мужские головные уборы белорусских крестьян изготовлялись из различных материалов. В широком употреблении были валяные из войлока «шапки» – «**валенки**», «маргелки», «магерки». Молчан. Матер. культ. С. 173.

ВАЛЕНЕЦ, -нца, м. *Чаще во мн.* **ВАЛЕНЦЫ**. Валенки. **Валинцы** – ета мяхкія валёнкі. Як у мяне ногі бальныя, дак хадіць харашо. Шамово, Мст. Мгл. **Валинцы** мала хто имеў, у лаптях хаділі, а дед мой **валинцы** на ўсю дярэўню валяў. Любавичи, Мон. Смл. = Иногда вместо панчох в зимнее время надевали мягкие валенки «**валенцы**», скатанные из различной старой суконной одежды, старых войлоков, хомутов, чересседельников и др. Молчан. Матер. культ. С. 179.

В бытовой речи жителей этих районов МСП используется также слово **шкорни**, пришедшее из условно-профессионального языка дрибинских шаповалов: *У каго ж тада сыпагі былі? І старыя, і малыя шкорні насілі. У кожнай дярэўні свой мастір быў, валяў іх с шэрсти авечай* (Каребы, Гор. Мгл.).

Лексика, относящаяся к хозяйственной деятельности и быту жителей МСП, заслуживает постоянного внимания исследователей – лингвистов, историков, этнографов, поскольку в ней получает сконцентрированное отражение жизненный уклад русских и белорусов, издавна населяющий территорию МСП.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарчик, В. К. Полесье : матеріальна культура / В. К. Бондарчик, І. Н. Браім, Н. І. Бураковская [і др.] – Кіеў : Наукова думка, 1988. – 448 с.
2. Молчанова, Л. А. Матеріальна культура беларусов / Л. А. Молчанова. – Мінск, 1968. – 231 с.
3. Молчанова, Л. А. Очерки матеріальна культуры беларусов XVI–XIII вв. – Мінск, 1981. – 112 с.
4. Этнаграфія Беларусі : энцыкл. / рэд. кал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.], – Мінск : БелСЭ, 1989. – 576 с.

5. Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров / авт.-сост. В. Б. Сузанович; ред. кол. : Л. И. Шаповалова (отв. ред.), И. Н. Лапицкая, Т. С. Воробьева. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2016. – Вып. 1 : А–В. – 196 с.
6. Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров / авт.-сост. В. Б. Сузанович [и др.]; ред. кол. : Л. И. Шаповалова (отв. ред.) [и др.]. – Могилёв : МГУ им. А. А. Кулешова, 2019. – Вып. 2 : В–Ж. – 208 с.
7. Шаповалова, Л. И. Факторы разрушения условно-профессионального языка дрибинских шаповалов / Л. И. Шаповалова // Е. Ф. Карский и современное языкознание : материалы X междунар. Карских чтений, Гродно, 16–17 мая 2005 г. : в 2 ч. / ГрГУ ; отв. ред М. И. Конюшкевич. – Гродно, 2005. – Ч. 2. – С. 50–56.
8. Этнолингвистическое и лексикографическое описание говоров могилевско-смоленского пограничья / В. Б. Сузанович [и др.] ; ред. кол.: В. Б. Сузанович (отв. ред), Л. И. Шаповалова, И. Н. Лапицкая. – Могилёв : МГУ, 2016. – 312 с.

Н. С. Шаталова
Москва, МГЛУ

КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ ТЕКСТОВ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В современном российском вузе реализация целей профессиональной подготовки иностранных студентов в логике системной реализации межкультурного подхода к обучению РКИ обуславливает решение широкого круга проблем методического плана.

В рамках статьи обратим внимание прежде всего на задачу оптимизации процесса формирования у иностранных студентов готовности к раскрытию семантико-прагматического потенциала языковых единиц, кодирующих значимые для этноса ценности, установки, оценки и суммарно отражающих национальную специфику мировидения в различных типах дискурса. Включение лексических средств экспликации кодов культуры в качестве дидактической единицы обучения РКИ определяется современной ситуацией диалога культур, или диалога «чужих сознаний», когда особое значение приобретает релевантность как когнитивно-коммуникативная категория, а в проектировании содержания курсов РКИ методически адекватно реализуется межкультурная образовательная стратегия преподавания иностранных языков – формирование коммуникативной компетенции, обеспечивающей иностранному студенту готовность интерпретировать и транслировать иноязычную речь с учетом ее лингвокультурных особенностей и социокультурной детерминированности.

Объемное и системное представление характеристик языковых единиц, составляющих тот или иной культурный код, позволяет не только выявить взаимосвязь между когнитивной, прагматической и собственно языковыми